

ЧЕРНОЕ КОПЫТО

РАССКАЗ

СЕРГЕЙ ЗАДЕРЕЕВ

Родился в 1950 году в селе Ирбей Красноярского края. Писать начал еще в школьные годы, короткие рассказы печатались в районной газете. После окончания школы работал журналистом в газетах Красноярского края и Иркутской области, заочно окончил Литера-

турный институт имени А. М. Горького. В 1981 году стал заведующим литературной частью в Красноярском ТЮЗе, позже — редактором филиала Свердловской киностудии, главным редактором альманаха «Енисей» (1983–1990). В 1988 году был принят в Союз писателей СССР, в 1996–2000 годах

возглавлял Красноярскую писательскую организацию. С 2002 года — директор красноярского художественного салона «Дар». Автор книг, вышедших в Красноярске и Москве, по сценариям автора снято несколько документальных фильмов.

Страшен сон, да милостив Бог.
Русская пословица

Заунывный, занудный, противный звук пилы. Как всегда, опустился ниоткуда. Опустился мраком и принес страх.

Расчлениют гранит, это будут надгробия. Каменная пыль во рту. Забивает нос, нестерпимо хочется чихнуть. Так пахнет опустошение. Закрываю глаза и вижу: летят во все стороны искры. Осыпаются у ног. Уже запылили ступни. Теперь не встать, ноги как зацементировало.

Тополя. Сухие тополя. Тополя спят. Дряхлые листья. Столбы без проводов. Иду на работу. Чертова чурка. Кто-то пищит. Дурак в плаще. В носу ветер. Лодка. Где лодка? Лодка не самолет. Впереди пни. Гнилые. Труха. Мурашки по коже. Муравьи убегают. Муравейники горят. Сегодня не буду. И вчера не буду. Все-таки асфальт. Черный. И небо черное. Впереди. Что впереди? Торчат гвозди. Кривые...

Как мне все это надоело. И поперся же, и послушался. Психотерапевт сраный. Говорит, бормочи что попало, и страх уйдет. Конечно. Он только сильнее с каждым днем накатывает. А началось все...

Проснулся, нет, вскочил, сбросив одеяло на пол, сердце колотилось, словно взбежал на девятый этаж, перепрыгивая через ступеньку... Кто-то же гнался за мной, или беда и горе наверху, а выручить только мне. Ошалело осмотрелся, в зеленоватом свете ночника комната была узнаваема, на стене — картина «Подсолнухи», репродукция любимого Ван Гога, на тумбочке — бюстик Пушкина, «на холмах Грузии лежит ночная мгла». Подошел к окну. Спортивная площадка пустынна, ровные ряды машин на автостоянке. Хоть бы одна пискнула. Сон, был какой-то дурацкий сон, но в голове даже намек нет на чертовщину, так напугавшую меня. Вдруг заметил, надо же, насколько все было реально, тело покрылось бисеринками пота. Машинально растираю их по груди, животу. В ванной сполоснул липкие ладони. Сердце уже не потряхивало, и я улегся. Сон не шел, все хотелось понять: что же выдернуло из постели? Но даже малой зацепки не было. Вставали только, как в дыму и гари, громадные грибы, и из них, словно в ускоренной съемке, выползали кровавые черви. И еще был звук пилы. Заунывный, занудный, противный. Так пилят надгробные камни.

Первый раз увидел его в полдень. Бездумно курил на крыльце офиса, прикидывая, где лучше испить кофейку. Всегда ошалевшая от автомоби-

лей улица почему-то была пустынна, осмелевшие прохожие переходили где попало. Две девчужки вообще обалдели, остановились посреди дороги и, хихикая, болтали по смартфону. Была какая-то странная тишина, и только их голоса говорили о жизни. Солнце, казалось, пробивало все насквозь, и даже под асфальт уходили осколки его лучей. И вдруг какой-то свист, скорее беззаботное посвистывание, заставило меня оглядеться. В этой неумелой мелодии угадывался незнакомый марш. Обычно они настырно победные, этот же был грустно обреченным, наверное, с таким должны вышагивать на казнь, не сомневаясь в необратимости, принимая это как должное.

И я увидел его. Он шел от храма Вознесения Господня, неся на плече здоровенный крест. Почти двухметровое сооружение, явно нелегкое, похоже, из мореной лиственницы, казалось ему совсем не в тягость. Он шел как на прогулке, насвистывая, уступая встречным дорогу, с улыбкой провожая их взглядом, иногда что-то говорил вслед, слов было не разобрать, но, казалось, он знал нечто важное и пытался поделиться. «Чокнутый», – подумал я, выкинул окурочек и потопал в ближайшее кафе.

Обеденное время, и зал был переполнен, выждал свободный столик, и уже чашка парила ароматом, но в голову опять вернулся чокнутый. «Чего я раздумываю? Это просто поклонный крест, в церкви сделали, и он несет его по назначению. Нормальный мужик, только верующий. Вот и все. Мы же мимо церкви проходим равнодушно, как мимо гастронома. Крестики носим так, на всякий случай. А он верующий, по-настоящему. Прилично одетый человек. Чего я привязался к нему?»

Пустынная улица, пока пил кофе, ожила, машины в обе стороны шли сплошным потоком. На светофоре собралось, наверное, человек десять, и когда загорелся зеленый, я замешкался, и уже на середине дороги меня застал желтый, нелепо подпрыгивая, побежал и одной ногой уже ступал на тротуар, меня чуть не сбило такси, кажется, даже колыхнулся пиджак на спине. Глубоко вздохнул, замер, глядя вслед автомобилю. Скотина, невольно перекрестился, вот так и гибнут по-дурачки. Вот так и принесут тебе крест, опять вспомнил чудака. И странно и необъяснимо меня вдруг накрыло чувство страха. Он был беспричинным, как и прошедшей ночью, будто вошел в меня вместе со вдохом. Страх как приступ, как удар из-за угла, как кирпич с крыши по голове, как волна дикого шторма, огляделся, все же

нормально, не спеша, боясь споткнуться, шел на работу.

Прежде чем ступить на ступеньки, приостановился, посмотрел на козырек крыши, все нормально. Идиот. Дверь в кабинет была приоткрыта, уходя, я захлопывал, кто ко мне лазил? Внимательно осмотрел все, никаких следов посторонних. Чертовщина какая-то.

День прошел в ожидании неприятностей, но все закончилось как обычно. Домой возвращался на такси, чтобы лишней раз не переходить дорогу. И уже у подъезда встретила кровавая лужа, не переступить. А из нее клыками мерцали куски стекла.

– Вот не донес, – со скамейки привстал дедуля. – Трехлитровка томатного выскользнула. Говорила внучка, бери тетрапак, нет же, по-жадничал.

– Вам помочь?

Дедуля обреченно махнул рукой.

Дома страх то отступал, то накатывал, телевизор не помогал, на местном канале чиновники долго перепирались о том, когда в городе будет метро, кто сколько украл на строительстве, кого надо посадить и насколько, а я подумал, лучше пожизненно, пусть там облизывается, и пришлось достать из холодильника бутылку.

Уже перед сном в липкой, как болотная тина, дреме появился чудик с крестом на плече. Он на мгновение как бы вынырнул из тумана и исчез, и лишь крест, вдруг потерявший свой вес, парил в сизом мороке. Чего он ко мне привязался? Поручили тебе нести, вот и исполняй безропотно...

Утро не задалось. Пару раз вырубали свет, ненадолго, но нервирует, когда по-быстрому привык сварить кофе, потом и того хуже, отключили, почему-то без предупреждения, горячую воду. Матерясь, поплескал на лицо студеную и без всякого желанья побрел в контору.

Страх сидел во мне, он, как зверек, затаился где-то внутри и ждал малейшего позыва, он лапками тербил внутри, было не больно, но противно, он не давал сосредоточиться на работе, и я плюнул и решил прогуляться.

Осень в этом году была не осенью. Солнечно, тепло, парни в футболках и шортах, девчонки во всю светят ногами, можно ходить бездумно, дышать свободно, как в первый день отпуска.

Вышагивал, покуривал, и хотелось вспомнить какую-нибудь любимую песню, чтобы мысленно промурлыкать. Но в голову ничего не шло, кроме грустной эмигрантской «здесь под небом чу-

жим», и я направился на странные звуки в центре города. Там что-то грохало и урчало, как-то натужно, через силу, будто надсмотрщик заставляет, а трудяга упирается, пердит, оглядывается, нельзя ли все бросить и смыться, раздавить чекушку, да и прилечь на травку, погода-то вон какая.

И мне открылась великая стройка. Вчера видел по телику, но не придал значения. В центре, на главной площади, где стоял, по задумке градоначальства, самый высокий в стране бронзовый Вождь, где проводили на утеху ему парады и манифестации, а когда перестройка и демократия как бы распахнули запертые наглухо двери, сюда стали приходиться и в одиночку, и группами недовольные чем-нибудь, кричали о маленьких пенсиях или о несправедливо осужденном ворюге, здесь можно было все, только что голым не позволили бы танцевать. Хотя кто его знает? Короче, не жизнь, а малина, и назвали это свободой. Только от чего, понять никто не мог...

Вся здоровенная площадь с Вождем в центре была огорожена двухметровым забором, весело разукрашенным картинками из будущего. Тут тебе и сказочные станции метро, и эскалаторы, заполненные счастливыми людьми и надписями, какая прекрасная жизнь нас ждет после создания этого чуда.

Метро... Городок наш когда-то был маленький, заштатный, но, как всем мелким, ему не просто мечталось, а нестерпимо хотелось выделиться хоть чем-то, стать заметным, чтобы о нем не просто упоминали, а говорили уважительно и с придыханием. Такое иногда и с людьми бывает, наверное, многие замечали, сам букашка ничего не значащая, а гонору, а сомнения. Ничего в этом зазорного, по большому счету, нет. Грешен человек со времен Адама...

И вот когда еще в царские времена в городке приняли решение построить кафедральный собор, то, конечно, местом для него стала центральная площадь, правда, тут располагался главный базар города, но его быстро расхерачили, торговые ряды, так будет быстрее, просто сожгли, а архитектора позвали из Москвы, и не просто-го, а того, что поставил в столице храм в честь большой победы над лягушатниками. Были, конечно, и в городке головастые мастера-зодчие, но их ведь дальше местной околицы никто не знает.

Когда проект был готов, оказалось, что денег на постройку потребуется столько, что лучше бы и не затевали. Глава губернии покумекал, почесал затылок и не только объявил народный сбор

средств, но и созвал золотопромышленников городка, а золотишка в окрестностях намывалось в ту пору ой как много. Уважаемые люди покряхтели, перетерли меж собой, да и дали согласие. Как не порадеть за родное гнездо. Но ребята они деловые, предприимчивые, были бы пустозвонны, в драных штанах ходили, они сразу замастрячили несколько кирпичных заводиков, и стройка как на дрожжах потянулась. Начали летом, и через четыре года, только уже осенью, кафедральный красовался, как перед венчанием. Оставалось кресты на купола утвердить.

Но вот же незадача: чем золотопромышленники, а не ровен час, и сам губернатор прогневили Всевышнего, а это только ему и ведомо, но сентябрьской ночью, когда городок и не помышлял просыпаться, храм рухнул, рассыпался по кирпичику, только полторы стены растрескавшихся торчали, как стариковские гнилые зубы.

Была мечта, вот же она, уже не только полюбоваться, но и потрогать можно, припасть на колени и вымолить прощение за все, что было непутевого и что может быть... Ан нет, что-то не так пошло. «Осечка», – сказал тогда Сидор Шегольков, главный золотодобытчик, он и пообещал губернатору уже на свои кровные поставить храм, только с условием, в Москву архитектору не сообщать, позора не оберешься, а каждый новый кирпич должен быть клеймен, чтобы в случае чего было кого выпороть. «Знаю я их, лихоимцев. В раствор не дюжину яиц добавляли, а хорошо если пяток. Да и дров на обжиг жалели», – красиво матюгнулся и плюнул себе под ноги.

Был бы Сидор провидцем, он вообще бы мог в запой уйти. Ведь московский храм того архитектора тоже сто лет простоял, и как не было. Лягушатник на его месте объявился, зато самый большой в столице бассейн.

Пока я шарашился вокруг стройки, на которой уже успели разворовать то ли сто миллионов, то ли целый миллиард, правда, никого еще не выпороли, хотя можно было бы и расстрелять, никакой страх меня не донимал, видимо, исторические познания отвлекли, но только затих рабочий гул, я вздрогнул, показалось, кто-то преследует. Оглянулся. Подозрительный тип сзади. Чего ему надо? Не торопясь закуривал, пока он не пройдет мимо, а тот чуть, прошагав, остановился, и, когда я поравнялся с ним, он как-то сурово, не по-доброму попросил закурить. Ишь чего удумал!

– Это у меня последняя, – и зачем-то показал не пустую пачку.

А он даже не извинился и пошел назад.

Дунул бы сейчас ветер, подумалось, и сорвал с него дурацкую шляпу. А лучше пусть рога у проходящего троллейбуса отвалятся и по башке ему. Пусть валяется, корчится, следопыт сраный.

Троллейбус прошуршал мимо, ни ветерка, никто меня не слушается. В конторе, наверное, тоже потеряли, ведь никого не предупредил. А вдруг, а что вдруг, но необъяснимая тревога с холодком страха опять подступала. Ускорил шаг, никогда такого не было, теперь внимательно смотрел под ноги, не запнуться бы, и уже у крыльца офиса увидел его. Теперь он был в спортивном костюме, кроссовках, на плече все тот же крест, только теперь он горбился под его тяжестью, его водило из стороны в сторону, покачивало, он устало брел уже в сторону храма.

Он что, не нашел где водрузить, кому передать? Я остановился, а он вдруг опустил на асфальт свою ношу и выжидательно посмотрел в мою сторону. Может, ему помочь? Перешел дорогу и не успел спросить, как он почти захлебываясь заговорил.

- Тайфуны, пожары, землетрясения, наводнения. Ты посмотри, посмотри, посмотри. Все люди несчастны. Ты посмотри вокруг, ты оглянись. Улыбки и смех – это пустое, шелуха. Загляни внутрь каждому. Ты посмотри.
- Куда смотреть-то?
- На небо. Всё там.

И я, как замороженный, задрал голову, а он подхватил свою ношу и обреченно побрел, и уже на повороте, прежде чем скрыться, обернулся, расправился, словно освободился от тяжести, и крикнул в мою сторону:

- Страх правит миром!

И он туда же... Машины неслись бесконечной вереницей, тупо стоял, не решаясь перейти, подумал, хорошо быть слепым, сейчас бы, постукивая перед собой палочкой, остановил этот безжалостный поток.

Из головы весь день не выходила фраза: страх правит миром... Наверное, это и в самом деле так. Только добавить бы сюда еще жадность и зависть. Ведь если подумать, все беды в мире заключены в этих трех словах. Сидя за компьютером, даже поинтересовался: что же это такое? И столько заумностей начитался, но понял главное: страх – ожидание будущей угрозы. Он сигнализирует о неведомой опасности. И это ощущение может свести с ума. Знать бы, чего надо избегать, сторониться.

Узенькую дорожку к дому с двух сторон обступали ранетки. Весной их сиреневые, бело-розовые цветы всегда казались заморской сакурой. Хорошо бы там побывать, мечталось каждый раз. Загадочные гейши, суровые самураи... Сейчас яркие разноцветные ранетки осыпались на брусчатку и с чавканьем лопались под ногами. Вот тебе и Япония. Вместо очарования эти дурацкие звуки. Была красота, а теперь ты ее грязными подошвами. Обернулся. И там, где ступал, словно пятна запекшейся крови оставались.

В квартире, никогда такого не было, машинально, будто ритуал, заглянул в платяной шкаф, потом в туалет, ванную, на четвереньках под диван. Никого. А кто здесь может быть? Перед сном, как и вчера, проверил входную дверь.

Нет, надо все-таки позвонить Нинке. Она же врач. Расстались мы нормально, без скандалов. Не пошлет куда подальше. А то и сам не замечу, как сойду с ума. Крест этот еще, как щепка, застрял в голове.

- Витенька, ты оглянись, посмотри на себя. Сколько в жизни нагрешил. Ты думаешь, я не знала, что ты мне изменял. – Бывшая говорила спокойно, как и полагается медику. – Я догадывалась, что ты женился на мне по расчету, это я, дура, втюрилась, потом еще и залетела. Куда было деваться. А ты рассчитывал на моего папеньку. Надеялся, что он поможет. Нет, Витюша, отец сам всего достиг. Чтобы я была в достатке. Он весь избит, исцарапан, изломан. В него даже стреляли два раза. Ты не знаешь этого, да и зачем тебе. Сходи лучше в церковь, покайся, свечку поставь.

- Нина, я же серьезно. Я просил у тебя прощения. На колени вставал. Кстати, как там наш Юрка?

- Вспомнил. Хоть бы на день рождения пришел.

- Я многое помню. Даже нашу первую ночь. Тогда утром я спросил, тебе кого больше хочется, мальчика или девочку? Ты долго смотрела на меня, потом как-то шкодно улыбнулась и сказала: у нас будет самолетик. А ведь и правда, Юрка неугомонный, как истребитель.

- Не дави на жалость. А со страхом своим... В Бога ты не веришь. Сходи к психотерапевту. Телефон записывай. Юлия Николаевна. Скажешь, что от меня. Что сопишь? Чем-то недоволен?

- Да нет. Почему же, – и нажал кнопку.

«Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцой» – мысленно прочитал любимого Блока и подумал, может, уйти в запой – и все пройдет.

Но страх не уходил, он разрастался, как опухоль. Просто уснуть теперь не мог, отключался только под бормотание телевизора, утром открывал глаза, а он все нес какую-то околесицу. А вдали, не за городом, не в небе, а из неведомого пространства, доносился дребезжащий, заунывный звук пилы. Он то затихал, казалось – еще чуть-чуть, то вдруг резко нарастал... И когда у него закончатся эти каменные плиты?

Совсем пропал аппетит, есть себя заставлял, ведь нужны силы, чтобы жить. Хотя зачем, теперь впереди только страх. Был в нем как в липкой паутине, обреченно трепыхался и уже не ждал ничего.

Утром выпал первый снег, он всегда приносил мысли об обновлении, его детская чистота возвращала далеко назад, слышался скрип детской кровати, запах материнской груди, тепло ее глаз, хотелось выбежать на улицу, слепить снежок и запустить в небо, засмеяться просто так, пробежать, оставляя следы, потом смотреть на них изумленно, словно пытаюсь разгадать неведомую надпись.

Сегодня смотрел в окно, и снег был мертвенно серым. Это не снег. Это выпал пепел. Надо идти к психотерапевту. Хватит откладывать.

Адрес показался символичным: улица Свободы, и уже шел не озираясь, не ждал дурного подвоха, как последнее время. Мне помогут, дадут хоть какой-то ответ.

На пути оказалась небольшая церквушка, и опять это знак, вошел, и, когда спросил у бабули, сколько свечей надо поставить, чтобы искупить грехи, она посмотрела как-то странно, наверное, не расслышала, и переспросил.

– Милок, у нас нет такого количества. – Бабуля поправила очки и уткнулась в книжку.

Меня здесь не ждали, раздосадованный, пошел по адресу. Хотелось, чтобы это был небольшой уютный дом, но оказалось, психотерапевт располагался в громадной высотке, неприветливо и сурово торчащей среди хрущевок. И нужный кабинет был на последнем этаже. Пока ехал в лифте, представил, как бы некрасиво падал с этой верхотуры. Потом лежал рядом с детской песочницей, бесформенный, как половая тряпка, никому не нужный, обходили бы безразлично.

На двери нужного кабинета висела странная картинка: в детской коляске сидел малыш и безмятежно смотрел в небо, на рукоятке примостился белоснежный голубь со сверкающим сундучком в клюве, а на асфальте разноцветными мелками было выведено: «Все будет хорошо».

– Здравствуйте.

– Проходите. Присаживайтесь. – Навстречу встала невысокая, опрятная женщина.

Взгляд ее понравился, она как бы сразу предлагала себя в мое распоряжение.

– Юлия Николаевна, мне страшно, – пристально посмотрел ей в глаза, хотелось увидеть, понимает ли она меня.

– Страх чего? – Она улыбалась, будто давнему знакомому, по-доброму и как-то доверчиво.

Он вдруг вспомнил мать, когда она его, нашкодившего, гладила по волосам, ерошила их и сразу прошала.

– Это не объяснить. Просто страх. Страх везде и практически всегда. Он как часть меня и всего, что вокруг. Может, это психическая болезнь?

– Вспомните, когда он у вас появился. Что могло стать причиной. – Она взяла со стола стеклянный шар и начала катать в ладонях.

– Вот сейчас боюсь, что запустите его в меня.

– Постарайтесь вспомнить. – Она положила шар на стол, он нехотя покатился и упал.

Стук был таким резким, что оба вздрогнули. Шар оказался у моих ног.

– Видите, вы не хотели, а он. – Отвернулся от психотерапевта и стал говорить невидимому собеседнику в углу кабинета. – Вначале я увидел человека с крестом. Он его нес куда-то. Потом меня чуть не сбила машина. Да, перед всем этим был еще непонятный сон.

– Про сон, пожалуйста, подробнее.

– Какие-то грибы червивые. Кто-то камни пилил. Противно так.

– Может, у вас на работе проблемы?

– На работе... Да нет.

– Вот видите, как вы ответили. И вроде да, и вроде нет.

– Вы наблюдательны, – иронично улыбнулся. – На работе все нормально.

– У вас есть какое-нибудь хобби?

– Раньше были рыбалка, охота. Все надоело. Давно не был ни в лесу, ни на реке.

– Попробуйте чем-то увлечься. Коллекционируйте значки, монеты. Много что можно. Ходите по музеям, да заведите себе хотя бы кота или собаку. Вы ведь один, Нина Петровна мне говорила.

– Домашних животных я ненавижу.

– Что ж вы так?

– Они должны жить своей жизнью. Кот должен ловить мышей, собака – помогать на промысле.

- Будь моя воля, я бы запретил зоопарки. Там лучше содержать тех, кому дали пожизненное. И в цирке бы запретил дрессированных животных. Себя надо дрессировать.
- Вы очень практичны, рациональны... Может, у вас сексуальные проблемы?
 - Если вы согласны, давайте проверим.
 - Извините. Но ведь у вас женщины нету.
 - Как-то так.
 - Вот кот или собака и скрасили бы ваше одиночество. Это и будет их главным делом.
 - Доктор, вы не о том. У меня другой страх. Он глубинный. Он не только во мне, он под ногами, он в небе, я дышу им.
 - У вас просто выгорание. А чувство страха – его результат. Знаете, у меня недавно был мужчина, только у него не страх, у него было хуже. Он, здоровый, молодой, успешный, но не хотел жить. Просто не хотел, и все. И я, не знаю почему, посоветовала ему разводить цветы... Он недавно приходил с громадным букетом, чуть не в ноги кланялся. Не поверите, моя рекомендация спасла его. Он даже встретил свою любовь. – Психотерапевт встала, подняла стеклянный шар. – Она работает в цветочном магазине.
 - Про цветы я подумаю. – Не сюда мне надо было, не сюда, подкатывало раздражение, и, чтобы не ляпнуть грубость, встал.
 - И еще, Виктор, знаете, когда страх приходит в неподходящий момент и какой-то необузданный, попробуйте бормотать мысленно, не вслух, всякую ерунду, и он должен отступить.
 - Это как?
 - Давайте попробуем. Только голосом. Я должна слышать.
 - Как-то неловко, – напрягся, уставился в пол.
 - Не стесняйтесь.
 - Всякую ерунду. Можно и матом? – подумал, скажет «нельзя», и уйду, хлопнув дверью.
 - Можно. Что в голову придет, то и говорите. – И лицо ее словно шторкой задернулось, как бы в туман ушло.
 - Пол, половицы, линолеум, паркет. Бегут тараканы. Хочу наступить. Все трещит. Валится. И коровы. На зеленом лугу. И вода кругом. Как по песку ползу. Вот сейчас...
 - Достаточно.

Я уже боялся, что это бормотание уведет в еще худшую от страха сторону, но психотерапевт улыбалась, как родному, и казалось, сейчас обнимет меня.

– Достаточно, – повторила она. – У вас получится. – И протянула визитку. – Можете приходиться в любое время.

Вдруг захотелось еще побыть здесь, даже если и не говорить, то просто помолчать, но Юлия Николаевна листала какой-то журнал, изредка поглядывая на стеклянный шар, а я неожиданно подумал, глупенькие, это не мы все решаем, это жизнь руководит нами, помимо нашей воли она ведет нас в неведомое, мы всего лишь отражение чьей-то прихоти, кого-то всесильного, порой милостивого, а иногда и безжалостного, но знающего наперед, – так надо, он нас, как слепых кутят, пытается научить или образумить.

На улице вспомнил о визитке, достал, на обороте ее было красивой вязью напечатано: «Ключ ко всем дверям. Трансформация сознания, самораскрытие, улучшение качества жизни». А ниже уже мелким шрифтом шел текст из Гоголя, ведь читал когда-то его, но слова эти как-то незаметно прошли. «Воззови к дремлющему человеку, брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтоб спасал свою бедную душу. Уже далеко он от берега, уже несет и несет его ежедневное сонное опьянение текущей жизни, с ее обманами, поклонением копейке и нечувствительно облекается он плотью и стал уже весь плоть. Уже почти нет в нем души. Без живой души человеческой погибнет Земля. Пусть в мире будут живые, а не мертвые души».

Да, непростой человек эта Юлия Николаевна. Многого хочет, но сможет ли добиться? Это ведь как головой об стену. Таких сегодняшней мир не понимает, даже больше, он их отвергает...

А может, психотерапевт просто очередная шарлатанка? Когда в мире неразбериха, когда пахнет бедой, эти чудо-целители, как тараканы, сбегаются на тухлятину. А я привык думать о людях хорошо. Вот когда-то Гагарин перед полетом в космос сказал, что он рад и горд, что вступает в небывалый поединок с природой. Юрий Алексеевич не знал, что мы этот поединок проиграем. У меня не эмоциональное выгорание, это всеобщее эволюционное выгорание... Когда-то студентами мы придумали секту дырников. Мы молились на солнце, как на Бога. Ведь без него не может быть жизни. Значит, Бог – это Солнце. А сейчас подумал, мы все пришли из дырки и уйдем в дырку. Но если та была волшебна и прекрасна, то эта наполнена страхом и скрежетом. Та открыла нам солнце, а эта...

Страх совсем не было, я брел бездумно, пока опять не оказался на строительной площадке ме-

тро. В разноцветном пространстве ограды ворота были распахнуты, и я, озираясь, чтобы не погна-ли охранники, вошел. Передо мной, на самом краю котлована, стоял великий Вождь. Он был громаден, городок наш, когда затевали это чудо, уже не заштатный, но в крови чиновников почему-то было неизбежно желание во всем быть первыми, и они заказали скульптуру самому известному, самому дорогому ваятелю, и с условием, чтобы Вождь был самым высоким на необъятных просторах. Чтобы он смотрел далеко, чтобы видел все, а непослуш-ным и подзатыльник мог отвесить. Истукан таким и получился. Живым его никто не видел, но ста-рики говорили, что даже шурился Великан, как живой. Еще он был, как и положено, непоколебим и неуправим в помыслах. К нему подходили с робостью, ноги в коленях сами собой подгибались, люди клали цветы на постамент, сердце бухало от волнения, у сентиментальных, говорят, и сле-зу вышибало, и приходилось, не оглядываясь ухо-дить. Не дай бог спросит о чем...

Сейчас Великан стоял на самом краю котло-вана, черная провальная яма была словно пасть, готовая его поглотить. Он же рухнет, со страхом подумалось, чего они намудрили? Хотя задницу показывает начальству, отвернулся от главно-го дома, ничего, мол, у вас не получится, устою вопреки.

Вокруг стройки были раскопаны останки кир-пичной кладки, похоже, жалкие следы торговых рядов. Когда их решительно пожгли, раздоса-дованные купцы бурчали меж собой: «Ужо будет вам», – и они не ошиблись. Как и московский храм знаменитого архитектора, так и этот пришедшие к власти новые хозяева жизни решили снести. Но строго блюл его возведение золотопромышленник Щегольков, как-никак свои кровные вбухал, яйца на раствор со всей округи свозили, а на обжиг березовую рошу под корень, ни сосна, ни осина на такое не годны, жар от них хилый, и как ни били его ломами энтузиасты в красных рубашках, как ни подкапывали девахи в красных косынках, стоял храм нерушимо. Отступать нельзя, столи-це уже отработали, и начальство в кожаных картузах подвезло телегу динамита. Бабахнули, кафедральный побрякшел, вздрогнул возмущенно от такой хулиганской выходки, но устоял. Был бы жив Щегольков, он бы не только пальцем погрозил нехристям, мог бы и с вилами на них пойти.

Подвезли вторую телегу динамита, да так на-грузили, что битюг от натуги попердывал, а ко-пыта в земле вязли. И пошло тогда все тело храма

глубокими рваными трещинами. Не угомонилось начальство, хлопнули кожаными картузами об пол и на третью телегу разорились.

Вначале облако пыли пошло в небо, потом вся земля в округе загудела и как бы вздохнула го-рестно. А когда осело серое марево, на месте са-мого большого храма в Сибири была бесформенная гряда кирпичей, многие из которых, как глазком, поглядывали клеймом с двуглавым орлом и фами-лией заводчика на сотворенное бесовство.

Парни в красных рубашках, девки в красных косынках, впереди начальство в кожаных кар-тузах – сгрудились, как на поминках у смердя-щей порохом кучи, и сфотографировались. Они не плакали, а были суровы и неулыбчивы. Что-то все-таки, наверное, свербело в душе. А за углом, у покореженной лиственницы, прижавшись щекой к стволу, ухватившись рукой за ветку, плакала старушка. Лицо ее от горя как коростой покры-лось. Слезы были мелкие и терялись в морщинах.

Бабуля еще не знала, что на фундаменте храма земляки ее поставят главный дом губернии и на-зывают его не как-нибудь, а Дом советов. Отсюда будут исходить все наставления народу.

И где пахать, и где сеять, только что где нужно справлять упустили, короче, чтобы жизнь шла по новым правилам. И опять сибиряки не стали мело-читься, проект заказали не кому попадая, а про-фессору архитектуры, что главную дачу придумал самому главному тогда начальнику страны.

Рылся я в памяти, перебирал все эти то гранди-озные, то нелепые события, разглядывал останки базарных рядов, красный кирпич которых в лучах осеннего солнца, казалось, до сих пор источал жар того, вековой давности, огня. Вспомнилось вдруг, чудные мы, сибиряки, когда приняли ре-шение поставить грандиозный собор, подкинул кто-то губернатору мыслишку, мол, первый за-кладной кирпич хорошо бы освятить если и не в Иерусалиме, то в Киеве точно. Конечно, не в Мо-скве. Это уж близко очень. И долго дебатирова-ли, беззлобно переругивались, кого снарядить с почетной миссией, сколько рублей на это вы-делить, но молодец Щегольков, он был не только самый богатый, но и самый смекалистый, хотя еще не догадывался, во сколько обойдется ему затея. Он поерзал, поскрипел в кресле и буркнул, не вставая, но чтобы все слышали: «Вы с этой экс-педицией год проваландаетесь. Строить надо. Я сто серебряных в заклад даю. Да и золотых не пожалю». На том и порешили, только конноза-водчик Ренат Байгутдинов расстроился, он уже

нацеливал своих ушлых ребят отправить, дела бы поправил и авторитет приподнял. Чертыхнулся татарин и вышел, освободившись от обиды харчком. А вот кому не повезло по большому с этим Шегольковым, так это ребятам в красных рубахах. Был бы жив золотопромышленник, расстреляли бы без суда и следствия, да и не дожил бы он до такой легкой смерти, запинали бы и в грязь втоптали мироеда чертова. Ведь парни сколько ночей крадучись рыли ямы в поисках серебра и золота, потом махнули рукой и днями стали выходить с лопатами наперевес, пообещав власти добрую половину богатства. Поперессорились, поперепились на этой затее, только Шегольков, наверное, лыбился на все из-под земли. Он-то точно знал, где закладной металл, но и при жизни бы никому не сказал.

Доски. Камни. Песок. Оживают дубы. Не хочу никуда. Паруса и ветер. Все оживает и умирает. Птица и ветки. Чертополох. Пройти и не наступить. Гора в овраге. Подняться бы вниз. Берег в реке. Река в море. Пусто. Как в яйце. Убежал и вернулся. На плахе топор...

Страх покинул, когда подходил к офису. Невольно ждал этого – и не ошибся. Он был на прежнем месте, только без отягчающего креста. Он сидел на брусчатке, выставив ноги на асфальт.

Он что, каждый раз наряжается? На нем была тельняшка, дырчатое, с пузырями на коленях трико, обут в берестяные лапти, как из сувенирной лавки. Он смотрел на меня и чему-то улыбался. Улыбка его показалась страшной. И чего он сюда приперся? Захотелось разглядеть его ближе и спросить. Выждав паузу в потоке машин, сломал, как палку, сухостойну страха и перескочил дорогу. Сердце бухало, словно после стометровки.

Лицо у него было какое-то кривое, раньше этого не замечал, оно было как бы измятое временем, а потом неумело выправленное, один глаз был ниже другого, нос свернут, вместо второго уха зияла розовой кожей неровная дырка, все было какое-то несуразное, но не отталкивающее или вызывающее жалость, как урод или калека. Казалось, он таким и должен быть.

Только хотел спросить, может, вам чем-то помочь, как он вскочил, поддернул трико и побежал, истощно выкрикивая: «Он упадет! Он упадет!..»

Он никому не уступал дорогу, прохожие покорно расступались, да он ведь за мной гонится, пришла нелепая мысль, и я, не дожидаясь просвета в движении автомобилей, лавируя, ринулся че-

рез дорогу. От истошного звука клаксона чуть не подпрыгнул, водитель высунул голову в опущенное стекло, покрутил пальцем у виска.

Дорога. Бутылка. Отвертка. На небе все было. Уйди. Я устал. Оглобля и водка...

Дыхание перехватывало, надо заняться делом, пора в офис.

Вечером никак не мог решить, чем же поужинать, и не придумал ничего лучшего, как запарить доширак. А впереди еще надо было как-то заставить себя уснуть. Вспомнил совет психотерапевта, может, и правда – значки, монетки, перебирал бы их, пока дрема не навалилась. Все-таки это баловство, рано впадать в детство, лучше цветы. Когда-то у матушки весь подоконник был заставлен горшками. Растения однообразные, а вот цветы, словно хвалясь друг перед другом. Один пушисто-розовым, другой щедро фиолетовым, третий таким пронзительно красным, словно его вынули из кузнечного горна.

Отец каждое утро после бритья растирал щеки и подбородок одеколоном, смачно покряхтывал, мне же запах не нравился, наверное, потому, что так пахло от классного руководителя, и я уходил в комнату матери и у подоконника старательно вдыхал аромат ее цветов. Он был успокаивающим и необыкновенно свежим, ни на что не похожим. Потом, когда был постарше и увлекался летающими тарелками, мне казалось, так же должно пахнуть прибытие инопланетян.

Да! Я посажу несколько таких цветков. Буду их поливать по утрам, разговаривать с ними перед сном. Это тебе не собачка и кошечка, которые лезут в постель, канючат еду, не дадут побыть одному, или затыквает или замяквает... И вспомнил, конечно, матушка называла их геранью. У меня будет герань, и она победит страх.

По дороге на работу зашел в цветочный киоск, и продавщица, маленькая, как бутончик, смуглая и заспанная, обрадовалась мне, долго отговаривала от герани, за ней особый уход и не известно, примется ли, пришлось купить большую розу и оставить ей на прилавке, а за геранью, сказал, найду, когда буду возвращаться домой.

Вот интересно, страх ведь приходит, когда совершил что-то недоброе, злое, ждешь наказания, знаешь, оно неизбежно. Да если и только задумал гадость, уже боязно это сделать, тебя как бы пеленой страх, остается закрыть глаза и рубануть, будь что будет. А потом страх как из-за угла, с веревками, мешками, дубинами.

Я ничего не сделал, ничего дурного не замыслил, страх пришел как непогода, вопреки лживым синоптикам. Пока только моросит, но еле заметный ветерок все нарастает и, чувствую, скоро шквалом нагонит набухшую тучу. Сейчас за шиворот противно стекает. Поеживаясь, иду навстречу. Чему? Вопреки. Чему? Что впереди?..

После обеда не утерпел и поперся на стройку, это становилось ритуалом. Какого черта меня туда тянет? Сослуживцы посматривали косо, дружище, ты каким-то другим стал, не случилось чего? Все нормально, отмахивался и натужно улыбался. Увидеть бы в зеркало этот оскал. Да и как им объяснить, что со мной происходит.

Сегодня удивился, третий раз всматриваюсь в груды земли и щебня, теснящуюся беспорядочно технику, а ни одного человека. Да они, наверное, все там, в глубине, под землей. Представил, как они упорно вгрызаются в еще никем не потревоженную твердь. Матюгаются, потеют, да когда ж начальство опять разворует деньги? Норам этим конца не видно, а так, может, еще бы на четверть века застопорилось. Пока искали бы, кого в кутузку упрятать, новое поколение землероев вырастет, а мы уж на дачке бы пивко попивали да вспоминали, будь оно неладно, это метро.

Вокруг строительной площадки ровные рядки голубых елей, березки, ведь в центре Вождь-великан, облагорожено все. Покуриваю, шуршу листьями, и не заметил, как чуть не рухнул в яму. Она была неожиданной, вокруг ни комочка земли, это был провал. Боясь оступиться, подошел к самому краю, из тьмы дохнуло сыростью и сквозило, почва ушла, и теперь воздух туда же втягивало. За края этой хищной дыры, вцепившись корнями, свисали кустики и деревца. Они подрагивали мелко, держались из последних сил, не хотели уходить в мертвое пространство.

Все понятно, вдруг осенило. Совсем рядом главный дом губернии. Это роют секретную дорогу к нему, все должно быть как в столице. Для больших людей должна быть тайная тропа, когда нагрянет беда, это будет их дорога к спасению. Призрачному, но, теперь я был уверен, метро точно будет, ведь на кон столько поставлено...

Вечером долго примерялся, где поставить горшочки с геранью, но лучшего, чем подоконник, места не нашлось. По телевизору шли последние новости, меня это не трогало, любовался цветами, то так, то эдак переставлял, чтобы больше солнца ловили. И вдруг диктор начал рассказывать о раскопках на месте будущей

станции метро и о том, что археологи там нашли десяток медных монет, несколько аптечных пузырьков, в лепешку смятый медный котелок, кости то ли животных, то ли человеков, но самое интересное, диктор сделал на это особый упор, черное копыто лошади, на удивление, сохранившее даже остатки смоляной шерсти на обрубке ноги. Молодой ученый на экране вертел в руках эту находку и восторженно, словно это был клад Шеголькова, пояснял: мол, благодаря этому копыту мы скоро узнаем много нового. Осталось только добавить, подумал я, столь много, что заживем еще лучше.

Ночью приснилось черное копыто, оно стало как бы новогодней елкой, радужные лучи от него разбегались по всему небу, осыпая хвоинками искр центр нашего города, и когда медленно поплыло в зенит, чтобы бесследно исчезнуть во мраке космоса, раздался взрыв, и глухие раскаты его, как утробное рычание умирающего зверя, заполнили страхом всю округу.

Я проснулся. Страх был везде, во всем, он блуждал по сонным улицам города, он словно набирался сил, и я понял, он не покинет меня, от него не избавиться, не вернуться.

Подошел к цветкам герани. Вдохнул глубоко, но того чудесного, как в детстве, запаха не было. Пахло влажной землей, гнилью, и еще шло ощущение какого-то сиротства.

Натянул одеяло до подбородка и, как научили, бормотал всякую ересь...

Новый день был выходным, и слонялся без дела, поливая герань, приговаривал, пейте, родимые, не тоскуйте, я вас не брошу. Лепестки в ответ даже не кольхнулись. Залез в интернет в надежде узнать, как ухаживать за ними, вычитал, что второе название цветка – журавельник, да, хорошо бы сейчас за город, уже и не помню, когда видел этих птиц. Осень, и они, наверное, покидают нас.

Вспомнил, отец взял меня на рыбалку, весь день моросил дождь, мне надоело пучиться на поплавок, червяки противно скользили, когда их насаживал на крючок, сопротивлялись, и я ушел в палатку. Отец был так увлечен, даже не посмотрел в мою сторону. Капли монотонно шуршали по брезенту, и я задремал. Во сне пришла мама, печально смотрела на меня и беззвучно плакала. Сейчас я думаю, она видела мое бестолковое будущее.

Из сна я вышел от странных звуков. Они шли неизвестно откуда, они были как бы везде, равномерно однообразные, как шум воды или потрески-

вание костра, они были сами по себе, безучастны, и мне стало одиноко, потеряно... Высунулся из палатки. Отец, сгорбившись, сидел на пенке, удочка была воткнута в землю. «Папа, – окликнул, – это что?» Он не оборачиваясь махнул рукой. Так не хотелось выползть на мокрую траву, но подошел.

– Первый раз слышишь? – Он показал в небо. – Журавли.

В серой недосыгаемой выси медленно уходил треугольник черных зазубринок, и мне было непонятно, кто их нанес на небосклоне и почему они двигаются.

– Это птицы?

Отец кивнул головой. А странные загадочные звуки, будто предназначенные не для нас, а ведомые другому миру, который знают только они, таяли за горизонтом. Так грустно мне больше никогда в жизни не было. Что-то похожее было лишь после смерти отца, когда последняя лопата земли упала на могильный холмик.

Отряхнувшись от воспоминаний, машинально оделся, вышел и так же машинально дошел до стройки. Какая-то дурацкая привычка, подумал, обходя ее вокруг цветного забора. «Метро разгрузит транспортную сеть города, сократит время поездки, сделает город экологичнее, а передвижение комфортнее». Прочитал и уже хотел поворачивать, но что-то заставило обернуться. Среди голубых елей мужчина приветливо махал рукой. Сослуживец, едва ли, друзья далеко, ошибся, наверное, но направился. И каково было удивление, даже нет, оторопь, это был все тот же человек, что носил по городу крест.

Сегодня его было не узнать. Строгий дорогой костюм, белая рубаша, черный в серебристую блеску галстук и туфли манерные, явно из модного бутика. Но больше всего озадачивало его лицо, оно уже не отталкивало, не казалось таким обезображенным, да, следы какого-то пожара или катастрофы на нем остались, но, пожалуй, больше всего располагал к себе взгляд, даже притягивал.

– Здравствуйте, – стараясь быть равнодушным, сказал я. – Похоже, мы не первый раз встречаемся.

Он молчал и улыбался, будто поддразнивал.

– Это же вы крест носили?

– А что делать. Приходится.

– И где он теперь? Где-то поставили.

– Он плывет.

– В смысле?

– Я пустил его по реке. Все должны видеть.

– Что видеть?

– Что нас ждет.

– Странный вы человек.

– Вы в церковь ходите?

– Редко. Как говорят, когда жареный петух клонет.

– А я по воскресеньям. Вы курите? – Он предложил сигарету, и мы присели на скамейку. – Каждый раз беру несколько просфорок. Съедаю не все, остатки убираю в кастрюльку. Когда она наполняется, увожу их в загородный дом. Рядом лес, и я раскладываю просфорки на пенки. Птичкам, бурундукам, мышкам.

Он замолчал, поднял с земли ветку, долго разглядывал, вертел ее, словно хотел что-то вспомнить или не решался сказать. Я уже хотел извиниться и уйти, но он положил руку мне на плечо.

– И вот ведь как. Неделю назад я их увез. Был вечер, и не хотелось блудить по кустам. А утром, когда собрался в лес, вдруг почувствовал, что-то не так. Вроде все как всегда, я стоял на крыльце, озирался и понял – была пугающая тишина. Даже зимой изредка, но чирикают птицы, может застучать дятел, а здесь конец сентября – и ни одного голоса. Они что, в Африку к теплу все улетели? Разложил просфорки, а на следующий день решил посмотреть. До единой были целые. Это что? И зверьки разбежались?

Про себя подумал, у меня с головой не в порядке, но этот точно чудик.

– Это знак. Понимаете? Шестая печать скоро будет сорвана. – Он резко встал и скрылся за кустами.

Стало одиноко, озирался, хоть кого-то увидеть хотелось, вдруг ожила стройка, загудело, забабало, какой-то чуждый запах гари и металла накрывал сквер. О чем он все время говорит, что должны видеть все, кто уйдет, какая печать, почему надо смотреть на небо, и вдруг понял, больше его не увижу, он сказал все. И было страшно, мне этого не разгадать, не понять никогда. Удрученный, возвращался домой.

Меня никто не ждет, герани я не нужен, она сама по себе, не полью – зачахнет и не обидится, спокойно уснет, отчего такая обреченность во всем и везде? Включил новостной канал, рассказывали о нашем метро, какого-то чиновника осудили условно за украденные миллионы, подумал, вот бы мне так, утащить сумку денег, жить припеваючи и как бы быть невиновным. Да ведь не знаю, где эти деньги, и воровать не умею. Все заранее предопределено каждому. Может, этот чиновник

и не хотел грешить, но что-то давно было заложено в его судьбе, ему было не увертеться.

Диктора сменил уже знакомый археолог. Он смотрел с экрана прямо на меня и рассказывал только мне, я даже невольно буркнул ему «привет», а он в ответ улыбнулся и поведал: загадку неведомых костей и черного копыта они раскрыли. На месте базарной площади, оказывается, когда-то было захоронение татаро-монголов, в подтверждение уже нашли три человеческих черепа, полусгнивший лук со стрелами и седельную сумку с коваными гвоздями. Для чего кочевникам они, непонятно, ведь ничего не строили, жили в юртах, может, благодаря им хотели понять, раскрыть тайну нашего упорства, бесхитростной простоты и негибкости.

И опять пришел звук пилы, за ним последует страх, и я понесу несусветную околесицу, на грани бреда, пока не забрезжит просвет в сознании.

Пули пукают. Воняет говном. Кровавая кровь. Плачут дети. Вопят жены и матери. Доска, молоток. Все улетело. Стружки ветер унес...

Отступило, и я приготовил чай, разглядывал бесхитростные лепестки герани. Вот живет цветок и не ведает, что у меня в голове. Наболтала в ней жизнь всякой муты.

Вспомнил, в деревенском доме, где прошло детство, отец в палисаднике посадил елку. Мать бурчала, хотела занять это место малиной, но батя сказал, ты посмотри, она одним ростом с нашим сыном, вот и будем смотреть, как они тянутся к небу. Я был недавно на родине, пришел к развалюхе нашей, крыша поросла мхом, хотелось погладить его, а ель – чтобы разглядеть верхушку, пришлось задирать голову до хруста шейных позвонков. Была крохотная, пушистая, когда он ее сажал, дитя, да и только.

А сейчас вон как заматерела. И страха у нее нет. И, наверное, она все знает, что было и что будет. Деревья – ведь они тоже как люди. Просто мы их не понимаем. Или не хотим. А может, нам это было дано, но мы все распылили в суете, разбазарили. Не к тому стремились. А елку, теперь вижу, для чего отец посадил. Это он лестницу в небо для меня приготовил.

Затрещал вдруг телефон. Первый раз я не узнал ее голос, это была моя бывшая. Она говорила как-то неуверенно, робко, будто остерегалась кого-то или боялась, что я, как всегда, брошу трубку.

- Ты это, у психотерапевта-то был?
- У тебя кто-то рядом?

- Одна. Юрка в спортзале.
- Привет сыну.
- Передам. Юля тебе помогла чем-нибудь?
- Дала совет. Даже два.
- Ну и как? – В кои-то веки ей вдруг стало интересно, как я здесь один. Скорее всего, у самой неприятности.
- Нормально. Учусь гадости говорить.
- В смысле?
- Это я так. Цветы выращиваю.
- Помогает?
- Даже очень. Сейчас вспомнил девчонку, у которой покупал герань. Она советовала взять бонсай, но я в память о мамушке выбрал журавельник. Это по-народному так называют. А бонсай, сейчас подумал, куплю и подарю ей. Очень уж красиво о нем рассказывала. Говорит, был бы не такой дорогой, себе бы купила.
- А сколько он?
- Рублей пятнадцать.
- Лучше бы Юрке отправил, он опять какие-то дорожные кроссовки надумал.
- Отправлю. Ты все-таки какая-то другая.
- Приезжай, посмотри. Бабенку не присмотрел себе?
- Как-то недосуг.

Пустой разговор, и что ей надо? Были вместе, всем была недовольна, а когда после очередного скандала, как всегда пустякового, хлопнул дверь, вдруг стала домогаться, звонить. Произошел разлад, а отчего и откуда, ни я, ни она понять не могли. Слово исподволь все произошло. Непогода незаметно переросла в шторм, а синоптики судьбы нам неведомы.

За окном потемнело, осень торопилась забрать остатки тепла, света, деревья почти раздела, всех готовила к отдыху, хотела погрузить в спячку.

А мы с тобой будем жить, подошел к подоконнику, коснулся ладонью одной герани, другой. Нет запаха, значит, ушел в глубину, в корни...

Сон сморил как никогда быстро. Навстречу вышла старушка с торбой за спиной. Мы стояли посреди пустыря, он был бескрайний, заросший полынью.

- У тебя что в сумке? – Хотелось помочь, дорога, должно быть, у нее была долгой, и конца ей она не видела.

Она сломала стебель полыни и протянула. Горький запах утраты и одиночества. Переспросил, что она несет.

- Кусочек смерти, – было в ответ. – Совсем малый, а какая тяжесть.

- Кому он?
- Меня ждут.
- У тебя вся спина мокрая. Какие-то кляксы сиреневые. Сними, пусть обсохнет.
- Это слезы ангела. – И исчезла, растворилась в осенних сумерках, только ветка полыни осталась у меня в руке.

Ветра не было, но она колыхалась, как живая. А в каких-то семи шагах угрожающе высилась бронзовая громада Великана.

Заматерел ты с годами, хотелось сказать ему. Взгляд только стал другой, не всевидящий и уверенно твердый, а усталый и скорбный.

- Куда-то все рукой нам показываешь. Куда, что там? Что нас ждет?
- Поизносились вы. Не дойти вам. Вы искали счастья? А что для этого надо? Плащ, котомка и посох. Для жизни больше ничего не надо. Правда, сам я это поздно понял. – И он опустил руку. – В качалке уже когда сидел. Немтырь немтырем, сказать ничего не мог. Да вы и не спрашивали. Вы всегда были как бараны. Вы пригодны только на убой.

И засвистела пила-камнерезка на бешеных оборотах, заволокла все искрящаяся пыль, и вышел чудик с крестом на плече, взошел на холм и водрузил его на вершине.

- Ты кто? Тебя как зовут? Мы ведь так и не познакомились.
- Иоанн, – прошептал он.
- Иван? – прочитал я по губам.

Он не ответил, он смотрел в небо, где несуразным дирижаблем парило черное копыто. Из него что-то сочило, и там, где капли касались земли, вставали грибы взрывов. Оттого, что они были беззвучны, страх был невыносим.

Открыл глаза, колотила дрожь, все тело было липким от пота. Хотелось в реку, не ту, что летом манит прохладой, а ту, что после ледохода, от которой сводит судорога и надеешься только на чудо...

Вот и связалась эта дикая цепочка. Кладбище, базар, храм, Дом советов, метро... Кто бы мог подумать, что она станет такой нерушимой. А каким будет следующее звено? И, уже ведомый непонятной силой, подошел к окну, распахнул створки, дохнуло прелыми листьями и упадком. Машинально, не глядя на них, брал в ладони горшки, касался их губами и опускал вниз. Они глухо бились об асфальт, и, казалось, это не цветы, а чьи-то черепа, рассыпаясь на осколки, уходят в небытие.

Страх покинул... Верига страха, кандалы страха, удавка страха оставили меня, и с мыслью «все знаю» облегченно улегся в кровать. Знал, герани уже нету, но цветы перед глазами источали аромат. И это было еще не все. Сон вернулся.

Великан стоял на самом краю провала, и у него от страха подрагивали ноги, и во всем была обреченность и пустота. Его никто не подталкивал, но он обернулся, и это стало его прощальным взглядом. Он рухнул в черную бездну, оставив, как надгробие, постамент из черного гранита.

Хотели же похоронить по-людски, подумал я. Из провала торчали только две ноги. Настолько он был велик, что заполнил собой всю яму. Одна нога – в башмаке, а вторая, на ней даже носка не было, отсвечивала красным, как светофор в тумане, заскорузлой потрескавшейся пяткой.

Откуда-то пришел голос Левитана. И я понял – будет война. И я плакал. Какое же неизбежное горе пришло к нам. Слезы текли ручьями, и в них ничего не отражалось. Было жалко всех.

Подушка утром была сухой. В недоумении встал у окна. Все стекло покрывали мелкие сиреневые брызги...

Прежде чем идти на работу, решил сходить на строительную площадку, посмотреть, как там Вождь после моего дурацкого сна. Рассвет только брезжил, но город уже ожил, суетился, торопился, толкался на остановках, все выглядело бестолково и бессмысленно, будто жестяную игрушку завели ключиком и она тарыхтит вопреки своим помыслам. На лицах у людей еще видны следы тайных, сокровенных желаний, но они не в силах побороть сталь тугой пружины.

Вождя у котлована не было. Испуганно осматривался, не хотелось верить в случившееся. Чуть в стороне, на скамейке у голубых елей, о чем-то разговаривали три старушонки. Может, они что-то видели? Подошел.

- Увезли. Краном сдернули и увезли, – ответила одна и радостно посмотрела на меня.
- Куда увезли?
- На склад. Его же беречь надо.
- Ага, на склад, – сердито посмотрела на нее другая. – Хорошо бы. На металлолом уволокли. Он же бронзовый, дорогущий. Знаешь, сколько тыщ за него дадут?
- Догонят и еще дадут. – Третья бабуля поправила сползающий на глаза платок. – Он сам ушел. Тайными тропами. Он вернется. Вот увидите.
- Дурьнда. Я тебе говорю, черти на металл уперли.

Старушки неожиданно умолкли, смотрели в разные стороны, а я с улыбкой подумал, а что, если бы Вождь и в самом деле ушел. Ушел бы в столицу, ведь там, как в осином гнезде, все смутьяны собрались. Они что-то еще удумали. Утрясется все, и затеют для нас новую химеру, поведут, как слепых, к призрачному счастью. И он будет впереди.

Не заметил, как подошел к самому краю котлована. Из земли торчало раздвоенное черное копыто. Оно щерилось жуткой улыбкой. Все правильно. Ведь у лошади не одна нога была.

Нет, завтра надо идти в церковь. Никаких завтра! Прямо сейчас. Оглянулся. Старушек уже не было, а на скамейке, где сидели они, лежали усыпанные ягодами ветки рябины. Из-за куста кто-то выглядывал и показывал рукой в небо.

Вспомнил вдруг: самолетик... А ведь Юрка родился от меня. Значит, я – самолет и у меня просто усталость металла. Может, крылья скоро отвалятся и фюзеляж пополам...

Палки. Доски. Ветер. Звери. Черти. Волки. Хватит. Уносит и в землю. Крутая дорога. Идти не сбиваясь. Не страшно. Бессмысленно. Надо в церковь. Надо. Надо. В церковь. В церковь.

Никогда дорога не казалась такой долгой. На перекрестках останавливали потоки машин, иногда вдруг засматривался на необычное здание или бродяжку, что-то выискивающего в урне с мусором. А вон две красотки, разнаряженные, словно с модного подиума, так активно обсуждают, наверное, похождения в ночной клуб, вызывающе смеются, а на малыша рядом, а, похоже, это чей-то сын, ноль внимания. Ребенчишка, тоже разодетый, как в гламурном журнале, такого даже в тупой рекламе по телевизору не увидишь, загребает с обочины наивной розовой ладошкой грязную снежную кашу и облизывает.

– Мальчик, это кака. Не надо в рот, – не выдержал и подошел к нему.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Пошел в жопу...

Нет, надо в церковь. И когда дошел, уже на пороге храма посмотрел в небо. Оно было безоблачным. И я понял, почему расстался с семьей и откуда пришел страх, и еще понял: войны не будет. Не будет, если все мы...